

Глава 1

В огромном шатре так же светло, как и снаружи. Цветные тени медленно переползают по расстеленным на земле шкурам барсов. По ту сторону шелковой ткани стук копыт, тонко кричат в небе птицы, а здесь отгороженный мирок, шерсть под рукой подрагивает, проскакивают искорки, словно в догорающем костре. Разве что не пурпурные, почти белые, но пощелкивают так же сухо, загадочно. Шелковая ткань шатра иногда прогибается под натиском яростного весеннего солнца, полного сил и жажды выжечь остатки сырости.

Придон лежал на спине, что с его страшной раной между лопатками не так просто, но уже почти не ощущал тела, ввалившимися глазами безучастно следил за светлым кругом на куполе.

Жизнь уходит хоть и медленно, но неотвратимо, как неотвратимо наступление ночи. Рядом шумно спит Аснерд, на спине, рот распахнут, оттуда исходит могучий рев, трясется земля, сотрясаются стены шатра, раскачивается шест, что поддерживает свод. Скопив глаза, Придон увидел широкую красную гортань, ведущую в тьму, и сразу вспомнил тот страшный туннель, что вывел их троих в зал с дивами, где нашли рукоять и Конста. Гортань начиналась красивой аркой, со свода трепещет красный язычок, похожий на тушу барана с содранной шкурой.

Придон отвел взгляд, Аснерд же рычал, гремел, а потом вдруг, всхрипнув и чавкнув, умолк. Дыхание стало ровным, Придон снова опустил голову и тут же подпрыгнул, храп начался с громового взрыва, словно гром ударил прямо в палатку. Когда Аснерд втягивал воздух, свод прогибался, а

шест трещал, а при выдохе весь шатер подпрыгивал, и только вбитые в землю кольца не давали улететь высоко в небо.

Потом пришло забытьё, а когда снова поднялся на поверхность, Аснерд, уже сидя за широким столом, сурово и печально наблюдал за ним с другого конца шатра. В его коричневых глазах Придон видел свое восковое лицо, нос заострился, скулы прорывают иссохшую кожу. Челюсти плотно сжаты, губы совсем синие. Рубашка на груди расстегнута, но лучше бы закрылся: ключицы вот-вот прорвут сухую кожу, желтую, почти мертвую. И вообще могучие мышцы растаяли, одни кости...

— Что с тобой? — спросил Аснерд с печалью. — Ох, Придон!

Веки Придона опускались, как чугунные заслонки. При звуках могучего гласа воеводы медленно открыл глаза, веки сухие, со вздутыми красными прожилками. Глаза прячутся глубоко в темных пещерах, в них сухой блеск, словно на изломе слюды. Аснерду почудилось, что из Придона взглянуло само отчаяние, близкое к безумию.

— Я схожу с ума, — донесся до Аснерда прерывающийся шепот. — Я не знаю, сам ли я вызвал такой гнев богов... или же мстят за грехи моих родителей...

Аснерд встал, похожий на шагающую гору, подошел вплотную и посмотрел сверху вниз. Голос прогремел, как гром из приближающейся грозовой тучи:

— Придон, это не гнев.

— А что?

Аснерд сдвинул плечами, Придону послышался треск перемальваемых камней.

— Почему лежишь? Под лежачий камень...

— Я испробовал все, — проговорил Придон глухо. — Я ничего не могу. Я умираю, Аснерд. И, наверное...

— Что?

— Наверное, я все-таки умру.

— Умрешь, — угрюмо подтвердил Аснерд. — Вижу. Не ты первый, Придон. Я видел, как умирали. Но хоть это и не самая постыдная смерть... но все же хуже славной смерти в бою.

— Какой бой, — прошептал Придон тоскливо. — Против

кого?.. Я ослеплен, Аснерд... Я ничего не вижу, кроме ее лица!.. Жизнь во мне то замирает, то просыпается... но это значит лишь, спит она или нет... Если я улыбаюсь, то это значит, что она там весело смеется... Я лишь тень ее души, я сам по себе не существую, Аснерд!.. Я лежу здесь, а душа моя у ее ног. Но я умираю, что не могу оказаться там... весь.

Аснерд заложил руки за спину, плотная кожа закрипела, как новенькое седло под его весом. Он был, как всегда, обнажен до пояса, могучий торс все такой же коричневый от жгучего весеннего солнца. Еще с прошлого года густой солнечный загар, а сейчас новая весна, кожа жадно, как иссохшаяся земля поглощает дождь, впитывает молодое солнце. Он в задумчивости потер чисто выбритый подбородок.

— Ну, положим, мог бы оказаться. Но для нас, артан, есть и повыше ценности, чем валяться у женских ног... Придон, ты должен встать.

— Должен?

— Должен, — громыхнул Аснерд сурово. — Должен сесть на коня. Помни, чего нельзя добром, то можно силой! Мужчины мы или не мужчины?.. Что-то артане начали жиреть без войн и набегов!.. Кони наши тучные, у мужчин на боках я своими глазами видел жир, как у толстых овец, какой позор!.. Ты еще не понял?

Придон вскрикнул слабо, он весь дрожал, а из только что сухих, как слюда, глаз ручьем хлынули слезы:

— Я ничего не понял!.. Я хочу только избавиться от этого наваждения! Я хочу, чтобы из моей груди вытащили змею, что съедает мое сердце.

Полог с шуршанием отодвинулся, в шатер шагнул Вяземайт. В спину верховного волхва жарко и сильно бьют солнечные лучи, на плечах кипит и разбрызгивает искры металл. Как и Аснерд, обнажен до пояса, коричневый, с красиво ниспадающими серебряными волосами, с чисто выбритым подбородком, красивый и величественный, хотя, конечно, немолод... очень немолод и как волхв, и как воин.

Суровые глаза верховного волхва смотрели без привычной строгости. Почти на голову ниже гиганта Аснерда, он в то же время излучал, как накаленный горн, величие и достоинство.

— Эх, — сказал он с горечью, — Придон... Намного проще, если бы ты видел в ней только женщину!

Придон прошептал с невероятной тоской:

— Как можно видеть в ней женщину, когда она не женщина?.. Как будто я не видел женщин, не хватал за волосы и не пользовал среди горящих городов прямо на трупах их мужей!.. Меня не трогают их слезы, их клятвы, их мольбы и лживые обещания. То всего лишь говорящие коровы, козы, свиньи. Но Итания... она из солнца и лунного света! Она... она необыкновенная.

— Да, — согласился Вяземайт печально, — теперь вижу.

— Я помню, что, когда выглянула из носилок, небо заблистало! Свет от ее лица пал на землю, на дома, на все, что создали боги. От звуков ее голоса встрепенулись цветы, а взгляд... о, что за взгляд! Вяземайт, я умираю и не хочу умереть, потому что тогда моя мука прекратится, а я уже не могу жить без этого огня в сердце, что сжигает мне грудь. Я знаю, что, когда подходит к окну, эльфы слетаются к дворцу и любят ее тайком, чтобы потом создавать песни в ее честь. Ветер не смеет шелестеть, земля под ее ногами изгибается, чтобы прикоснуться к ней...

Голос упал до шепота. Аснерд покачал головой, посмотрел на Вяземайта. Тот молча наклонил голову. Аснерд легко подхватил Придона под мышки. Мог бы взять на руки, сейчас Придон легче перышка, но не хотел позорить героя, который совсем недавно сам мог поднять гору. Голова Придона болталась из стороны в сторону. Вяземайт придержал сбоку, вдвоем вывели из шатра. Солнце ударило по лицу как огромной нагретой в костре дубиной. Придон застонал и суетливо закрыл иссохшими ладонями лицо.

С конем в поводу подбежал оруженосец Аснерда. Мальчишка вытаращенными глазами смотрел на героя, что полгода назад добыл легендарный меч бога войны Хорса. Даже не Хорса, как говорят, а еще более древнего, грозного и страшного бога. Тот дивный меч мог бы оставить себе, но не оставил, ибо богат тот, кто дарит, а не тот, кто принимает дар. Он вернулся в блеске славы, разгромив и повергнув дивов, колдунов, драконов и чужих богов, но сейчас похож на умирающего. И, самое позорное для артанского воина, он в

рубашке, словно женщина или ребенок. Костлявые плечи выпирают, а когда ветер прижимает ткань к телу, ребра проступают настолько четко, словно мяса там нет вовсе. Говорят, на спине героя две страшные раны, их не могут вылечить лекари, не могут волхвы, не в состоянии одолеть даже колдуны и маги.

Аснерд с болью и жалостью смотрел, как Придон с трудом вставил ногу в стремя. В седло поднялся — не взлетел птицей, а поднялся, как старик с постели! — с третьей попытки. Пальцы ухватились за конскую гриву, конь переступил с ноги на ногу, удерживая равновесие, всадника клонило на другой бок.

— Прощай, Аснерд, — сказал он мертвым голосом.

Сердце Аснерда дрогнуло и остановилось.

— Постой, — сказал он тревожно. — Ты куда? Эй, вороной, проследи, чтобы он полежал на зеленой травке, глядя в небо, а потом вернулся...

— Я в Степь, — ответил Придон тем же голосом, что уже не принадлежал этому миру. — Просто в Степь.

Аснерд молча стиснул челюсти. В Степь, просто в Степь, уходят из нор звери, зачуявшие близкую смерть. Уходят подальше и там выпускают дух, чтобы... Да кто знает, зачем уходят звери, но человек — не зверь! Или все-таки зверь?

— Боги, — взмолился он, глядя в сторбленную спину героя, — боги... какого черта? Вы что, спите? Не должен такой человек помирать. Не должен! Говорят, он вхож к вам на небеса... Если правда, то как вы можете вот так? И ничего-ничего, чтобы он... ожил?

Конь двинулся медленно, бережно, чувствуя, что хозяин, всегда такой могучий и быстрый, сейчас едва держится в седле. Придон в самом деле раскачивался, в ушах и в голове непрерывно звучит ее голос, едва слышный, но в нем боль, недоумение, а кровь поднимается от изнемогающего сердца. Он всхлипывал, не стыдясь бегущих по щекам слез.

Почудилось или в самом деле слышал отчаянный душевущий женский крик, что догнал и больно поразил в спину: «Возьми мое сердце, а песни верни!!!»? Почему не повернул даже головы? Не позволила та буря, что бушевала в нем, та ярость, что разрывала на части, та страсть, что вела по

жизни, вела через Огненные Земли, через заснеженные горы, через жуткий Лес?..

Ее отчаянный крик, он слышал его отчетливо, но только крик, ибо ревушая в нем буря заглушила слова. И только потом, уже когда мчался, обезумев от горя, по ровной степи Артании, снова и снова слышал этот крик, этот плач, это отчаяние, клял себя, что не остановился, не повернул коня. Гордость заставила мчаться навстречу рвущему волосы жестокому ветру, гордость не позволила натянуть повод и вернуться в Куявию. Даже не в Куявию, а к Итании. Но потом, когда обессилел и свалился с коня, начал в том грохоте, в том реве урагана, что разрывает изнутри, различать и слова, что отныне терзают сердце сладким миражем.

Теперь он вздрагивает и сам, ибо ее слова оказались целиком из ранящего его крика. Они поразили в спину так, что отныне там глубокая кровотокающая рана. Дважды Итания выкрикнула особое, жгучее, и две жгут отныне раны, что слились краями в одну — кровотокающую, изнуряющую. Единственное, что получил за свои деяния. Единственная плата за меч Азазеля.

За эти полгода он, не находя себе места, исколесил всю Артанию. Его принимали даже у лемков и гуцагов, в племенах, что не признают Скилла тцаром Артании, хотя и обязались в случае нападения куявов, славов или вантийцев выступить на защиту их общей страны.

Одинокий всадник не угроза, к тому же сразу замечали, что он и не пытается подсчитывать, у кого сколько войск, не склоняет знатных людей к измене, а сразу же бросается к знахарям и волхвам. Его заставляли пить разведенный в воде пепел сожженных змей, он подолгу лежал на шкурах пардусов, что имеют магические свойства, смотрел на луну, в то время как воскурляли лечебные травы, он давал навешивать на себя амулеты, обстригать волосы, отворять кровь, но все оставалось по-прежнему: перед глазами видел ее прекрасное лицо так ясно, что грудь разрывалась от тоски. Он плакал и бил кулаками по голове, в ушах звучал ее нежный тихий голос, он вскрикивал в агонии: за что, за что является ему, за что мучает, что это за сладость в ее жестокой душе, почему так любит его терзать?

Он покидал кочевье под молчаливое сочувствие, а в следующем его уже встречали, ибо молва о подвиге сына артанского правителя и подлом коварстве куявов летела впереди него. Многие колдуны сами без зова приходили, он покорно глотал снадобья, то горькие, то едкие, пил отвары и настойки, над ним переламывали кости драконов, под ним зарывали плоды куявского дерева с красными ягодами, он покорно проводил там три ночи, вокруг плясали и стучали в бубны, отгоняя злых духов, он сам ходил вместе с магами вокруг костра, где сгорали душистые ветки волшебных деревьев, повторял заклинания и заговоры, обращался с просьбами ко всем богам, давал обеты и клятвы, только бы избавили от наваждения.

Он обошел всех жрецов, знахарей, лекарей, колдунов, встречался с магами. Его заставляли смотреть на звезды, его подвешивали на веревке и окунали в священный источник, его заставили изловить в пещерах белого тритона, высушить, истолочь и три дня носить порошок на груди.

Все знали о его страшных ранах на спине, но Придон не упоминал о них, не просил излечить, и волхвы, как он и просил, лечили его сердце, его душу и только потом, когда ничего не получалось, уже почти тайком, по своей воле, пробовали избавить от жестоких ран.

Аснерд и Вяземайт долго смотрели вслед. Раньше смотреть долго не пришлось бы: короткий и быстро затихающий стук копыт, облачко пыли, блеснувшая искорка топора, подброшенного от избытка сил к небу, и снова степь ровная и чистая, а сейчас конь уходит шагом, оберегая всадника, а того раскачивает так, что того и гляди упадет.

Наконец Аснерд повернулся к Вяземайту, но верховный волхв делал вид, что не замечает требовательного взгляда артанского полководца. Зоркие глаза прослеживали за страдающим братом тцарствующего Скилла. Легкий ветерок надул рубашку пузырем, спрятал худые ребра, но куда деть тонкую шею, истончившиеся руки, что уже не поднимут боевой топор?

— Не смотри на меня так, — буркнул он, не поворачивая головы. — Не смотри!

— А что, — буркнул Аснерд, — признаешься, что никакой не волхв?.. Тот бы что-то сделал.

Вяземайт продолжал следить за удаляющимся всадником. Ветерок слегка колыхнул серебряные пряди, но суровое лицо, будто высеченное из дерева, не потеряло суровости, а солнце не играло на серой коже, а впитывалось, как влага.

— Волхв, — ответил он ровным голосом, — толкует деяния богов. Деяния и желания. Требования! Но волхв — не бог.

— Это и видно...

— Что? — спросил Вяземайт. Он повернулся и сурово посмотрел на Аснерда. — Что ты сказал?

Аснерд насупился, и без того огромный и грозный, как тяжелая скала, сейчас показался еще и грозовой тучей, что несет в себе целые горы.

— Был бы ты волхвом, — сказал он раздраженно, — не этим... толкователем, а волхвом на коне, уже придумал бы что-нибудь. Ну хоть что-то! А ты только руками разводишь, все оправдываешься.

— Я, — сказал Вяземайт отдельно, — все-таки толкователь! Это важнее, только ты не понимаешь.

— Но ты же и... это... всякое можешь?

Вяземайт покосился по сторонам, буркнул:

— В Артании магия под запретом, не слышал? Мы же сами подтверждали запрет! И не зря.

— Правильный запрет, — согласился Аснерд. — Толковый. Человек должен сам... но в таких вот трудных случаях можно бы и магией! На это есть отпрет.

Вяземайт пожал плечами.

— Аснерд, ты знаешь, что я кое-что могу. Хочешь, прямо сейчас из воздуха достану жареного барана?.. Немало колдунов, чародеев и даже волшебников помнят, как я их в бараний рог гнул. Но с Придоном все иначе... Догадываешься, какие силы он затронул? Тут ни один маг не поможет.

Аснерд проворчал что-то, спина сгорбилась, он повернулся и вдвинулся в шатер. Вяземайт посмотрел вдогонку Придону, уже только далекая точка в степи, зашел за Аснердом. В шатре пахнет шерстью и болезнями, воздух пропи-

тался запахами горьких трав. Старый воин, кряхтя, сел на шкуры, потом подумал, лег, забросил ладони за голову.

Вяземайт огляделся, в шатре только легкий стол и широкая лавка, тяжело опустился на скрипнувшее сиденье. Плечи поднялись, волосы жидким серебром хлынули на грудь.

— И вообще, — сказал он раздраженно, — ты на меня пальцем не показывай, не показывай! У него был меч, так?.. Даже два меча, как рассказывали. С Черным мечом мог бы стать властелином Вселенной, а он просто отшвырнул в камнедробилку. Еще был меч этого Хорса... что на самом деле не Хорса, а какого-то самого древнего, с тем он бы вообще... и что? Оставил в Куявии! Сам тцар Тулей совал ему этот меч, а он отказался! Гордость показал!

Аснерд проворчал:

— А ты бы не отказался?

Вяземайт покачал головой:

— Я бы — нет. Я бы подумал прежде всего об Артании. Что я с этим мечом сделал бы для страны, для людей.

— Старый пень, — буркнул Аснерд.

— Что?

— Что слышал. Придон молод, он думает сердцем, а не головой. Это у тебя сердца уже нет... или почти нет, а у Придона...

— А у Придона головы нет, — закончил Вяземайт. — Это хотел сказать? Ладно, я понимаю, что Придон не мог иначе. Наша честь, достоинство — выше любых выгод. Мы не куявы... Но вот теперь Придон, несмотря на все подвиги, обманут, у куявов и меч, и награда, а он с предательской раной в спине...

Аснерд посмотрел на подрагивающий под напором свежего ветерка шелковый свод, цветные тени скользят по шкурам, расцвечивают Вяземайта, как дивного зверя из морских глубин, поморщился.

— Остынь... Ты не перед войском глаголешь. Мне вовсе не надо так красиво. Мы оба знаем, как было на самом деле.

— А как было? — спросил Вяземайт зло. — Что, хочешь сказать, куявы правы?

— Нет, — сказал Аснерд, — все куда хуже. Оба правы, в этом и беда. Когда прав один, то все решается быстро. А сей-

час... Я не поверю, что ты ничего не придумал! Вяземайт, не поверю.

Вяземайт развел руками.

— Я такие раны не лечу.

— Ну хоть что-то сделай! Он спать не может от этой раны, по ночам кричит, вскакивает...

— Я лечу раны от оружия, — ответил Вяземайт глухо. Он опустил ладони на столешницу, сжал и разжал кулаки, посмотрел на сухие бледные пальцы, все еще толстые, крепкие. — От огня, от зубов волка или яда змеи, от льда... Помнишь, как я поднял Зброяра, он вмерз в льдину и пробыл в ней с неделю?

— Ты еще Огнивца спас, — сказал Аснерд. — От парня осталось мокрое пятно, когда с такой высоты, но ты ж собрал его и... вон скачет, как будто таким родился!

— Это все не то, — отмахнулся Вяземайт. — Это либо от рук людей, либо от зверей, гадов, или от своей дури, а с Придоном — хуже... Ну не дано мне вмешиваться в дела богов! Не дано, понимаешь?

Аснерд насторожился.

— При чем тут боги? Это ж Итания его вдогонку так приложила!

Вяземайт встал, снова сел, руки не находили себе места, пока не переплел пальцы в плотный замок и не оставил на столешнице.

— Это, — сказал он глухо, — дела богов. Человек дерзко вторгся в их хранилище, хватает все, до чего дотянется рука... Ты помнишь, в Начале было Слово, и Слово было Богом. Магия вокруг нас: в камнях, земле, воде, траве и деревьях, но мощь богов и даже Единственного — именно в словах. Итания выкрикнула вдогонку Придону... жгучее ли слово, горькое ли — не знаю. Повторяю, это — дела богов. Нам, людям, дана магия, это проще.

Аснерд прорычал тоскливо:

— Магия дана, а слова берем сами. Немудрено, что острым ножом с непривычки можно и порезаться.

— Или порезать других.

Аснерд скривился. Грудь его поднялась, захватывая воздух так, что стенки шатра вогнулись, шест затрепал, а когда выдохнул, шатер раздуло, как пузырь.

— Это видим. Но как его... вылечить?

— Не в моей власти, — отрезал Вяземайт. — И не во власти человека вообще. Если хочешь знать, то даже не во власти богов.

— Ого!

— Не огокай, — сказал Вяземайт строго. — Что сделано богом, ни один другой бог не может отменить. Или даже изменить.

Полог надулся под внезапным порывом воздуха, хлопнул. Вместе с ветром в шатер влетела странная птица, что показалась огромной летучей мышью, заметалась сослепу по шатру, поднимая крыльями ветер. От нее пахло сильным звериным запахом, слишком сильным для такого маленького тела, бросилась на Вяземайта, будто готовилась вцепиться в серебряные волосы, он отшатнулся, Аснерд видел застывшие в страхе глаза верховного волхва.

Полог продолжало трепать с сильными щелчками, похожими на удары пастушьего кнута. Существо сделало резкий поворот и проскользнуло в щель навстречу солнцу. Вяземайт шумно перевел дыхание, лицо побелело, губы вздрагивали.

— Что это? — спросил Аснерд снизу.

Вяземайт остановившимися глазами смотрел на хлопающий полог, встал, закрепил ремешками.

— Я же сказал, — прошептал он, — уже нельзя ни отменить, ни даже изменить...

Аснерд насторожился — Вяземайт произнес эти слова очень уж торжественно, — приподнялся на локте, заглядывая волхву в лицо. Тот все отводил взгляд, наконец посмотрел прямо в глаза.

— И что? — спросил Аснерд требовательно.

— Мы не зря сейчас отправили его в Степь, понял?

Глава 2

Конь — настоящий артанский конь, пытался тихонько перейти на рысь, а потом и в галоп, но Придон придерживал, пока шатры не скрылись с глаз и когда перестал ощу-

щать на спине взгляды Аснерда и Вяземайта. Потом ослабевшие пальцы выронили повод, в глазах потемнело, он рухнул с седла. Онемевшее тело почти не ощутило удара о землю, только незаживающая рана в спине остро кольнула жгучей болью.

Он перевернулся на бок, а когда боль между лопатками притаилась, тихонько лег лицом вверх. Глаза бездумно уставились в синее, слишком яркое для глаз небо, не замечая бегущие по небу стада небесных овец. В последнее время даже слова песен не всплывают из глубин души, из бездны необъятного сердца. Тоскливо, а черная пропасть, что на самом деле никакая не пропасть, а Край Света, где обрывается вообще все, край жизни, за которым только смерть, — с каждым днем все ближе.

Синева налилась густыми красками, перешла в багровость, небо покрылось кровавой корой заката. Потемнело, выступили звезды, а он все так же смотрел в небо, бездумно и безвольно. Воздух уплотнился, ароматы степных трав усилились, а едва слышные днем песни кузнечиков зазвучали мощно, слаженно, целый хор, хотя каждый сидит на своем стебельке, однако начинают мелодию и заканчивают в одно время.

Он смутно подивился, как это у них так получается. Скопил глаза, совсем рядом с его головой толстенький жучок старательно трещит крылышками, на своем языке уговаривает возлюбленную раскрыть перед ним свое крохотное сердце. Горечь в груди начала превращаться в расплавленное олово. Даже они, мелкота, могут отыскать среди тысяч и тысяч себе подобных тех единственных, которые услышат, примут и ответят на их песни. А вот он уже исторг из своего измученного сердца десятки, если не сотни песен...

Он с трудом перевернулся, сегодня рана на спине отзывается при каждом движении. Из-за нее и приходится носить рубашку. Сейчас похож на простого хлебопашца, никто с первого взгляда не узнает в нем того героя, что сумел добыть для Куявии волшебный меч...

Огниво выскальзывало из ослабевших пальцев. Измучился, уже хотел отказаться от попыток зажечь костер, наконец одна из искорок упала на трут. Побежал огонек,

вспыхнула береста, затем и мелкие сучки. Набросал хворосту, с облегчением перевернулся на спину, рана болезненно заныла, но вскоре притерпелась и затихла.

Небо качнулось из стороны в сторону и замерло, глядя мириадами ярких звезд и мириадами мириад — слабых, мелких, едва видимых. Из-за дальнего черного леса поднялась полная луна, свет пошел призрачный, свет нежити, привидений, призраков и ночных эльфов. Травинки обрели неестественную четкость, с одной стороны превратились в чистейшее серебро, а другая сторона оставалась абсолютно черной, злой, принадлежащей другому миру.

Он лежал бездумно, безвольно, рядом едва слышно потрескивает костер, все сильнее греет бок, но нет сил сдвинуться. В ночи счастливо верещат кузнечики, пищат жучки... и вдруг все оборвалось. В темноте тревожно фыркнул конь, ударил в землю копытом. Придон даже услышал, как он позвериному втянул воздух, стараясь уловить запах тех, кто приближается.

Послышался стук копыт, но как-то странно: в такой тиши можно бы услышать за несколько верст, но зазвучали почти рядом. В освещенный круг въехал обнаженный до пояса мужчина на крупном коне цвета запекшейся крови.

Придон не двигался, мужчина вскинул руку в приветствии. На запястье и на предплечье блеснули широкие боевые браслеты. Он спрыгнул на землю, глаза не отрывали взгляда от Придона. Был он высок, выше всех известных Придону богатырей, широк в плечах, могучая грудь в лунном свете красиво блестела. Из-за плеча на Придона смотрела рукоять боевого топора.

Придон хотел встать, но сумел только приподняться и опереться на локоть. Незнакомец небрежно забросил на седло повод, конь тут же отступил в темноту. Придон прислушался, но в том месте кузнечики продолжали выводить любовные трели, будто их совсем не пугают широкие копыта.

— Дозволь согреться у твоего огня, Придон? — спросил незнакомец.

Придон молча указал на другую сторону, там как раз толстое сухое бревно. Незнакомец сел, живые блестящие глаза с интересом всматривались в хмурое лицо Придона.

Сам выглядел не то что необычно, нет, самый обыкновенный артанин, обнажен до пояса, как все мужчины Артании, чисто выбрит, тоже как все, на широком поясе два ножа в кожаных чехлах... Необычность разве в том, что Придон еще не встречал мужчин такого роста и богатырского сложения. К тому же незнакомец отмечен жестокой мужской красотой, в нем сила, ум, неутомимость, в глазах иногда мелькают искорки, что во мгновение ока могут вспыхнуть огнем, такой воин превращается в одержимого, в бою не знает усталости, его не берет железо, а он в одиночку может побивать целые армии. За такими охотно идут удалыцы, ибо с подобным вождем впереди победы, добыча, слава...

— У меня в суме есть мясо и хлеб, — сказал Придон.

Незнакомец засмеялся, свет от костра пробежал по крупным ровным зубам, Придону почудилось, что рот незнакомца полон огня.

— Спасибо, — сказал он легко, — но я сейчас поеду дальше, у меня много дел... Ты все еще страдаешь, Придон?

Придон сделал неосторожное движение рукой, между лопатками полоснуло болью. Он не дрогнул лицом, однако незнакомец заметил, в глазах мелькнуло сочувствие.

— Ты страдаешь, — повторил он. — Увы, даже я не могу облегчить эту боль. Ни один бог не может это сделать, Придон.

Придон спросил невольно:

— По...чему?

Незнакомец горько засмеялся.

— Потому что люди — тоже боги. Только они об этом еще не знают.

— Я это где-то слышал, — прошептал Придон, но в голову начала работать камнедробилка, он не смог бы вспомнить, даже попытайся. — Но только мы очень жалкие и беспомощные боги...

Незнакомец рассматривал его пытливым, с живейшим интересом.

— Придон, — сказал он благожелательно, — есть люди, которые хоть живи, хоть не живи, в мире ничего не изменится. Таких вообще-то большинство. Но есть и другие... Вот ты — другой! Да, ты можешь помереть прямо сегодня,

твоя жизнь на волоске. Но если выживешь, можешь изменить судьбу миров. Тебе многое дано, Придон... Ты будешь просто... просто куявской свиньей, если не воспользуешься.

Придон покачал головой, поморщился. В черепе все громче трещат камни, боль началась в затылке, переползла на левую сторону головы, а в затылок начали вбивать долото.

— Что я могу?

— Многое, — сказал незнакомец настойчиво. — Именно ты! В тебе кровь артанских богов. Именно в тебе, ибо Скилл уже разжижил свою кровь связью с куявкой, боги отвернули от него свои лица. В Ютлане вообще неизвестно что за подземная дрянь, с какими он змеями и жабами в родстве... Только ты — Придон! А ты, единственная надежда Артании, проводишь дни в плаче, аки слабая женщина, в стенаниях да песнях!

Придон сгибал спину и втягивал голову в плечи, каждое слово било, как молотом вгоняло валун в болотистую землю.

— Но что я могу? — спросил он жалко.

Незнакомец расхохотался.

— Ты можешь жить!.. Жить, а не... то, в чем ты сейчас топчешься. Это недостойно мужчины.

Придон спросил вяло:

— А что достойно? Кто знает?

— Это знают все, — ответил всадник серьезно. — Некоторые вещи нельзя усложнять. Из них теряется Правда. Придон, жизнь намного сложнее и одновременно проще. В твоём положении выход весьма понятный.

Придон спросил слабым голосом:

— Есть ли? Что-то не верю. Ну... говори...

За спиной незнакомца колыхнулось звездное небо, там пронеслось нечто огромное, на миг затмив звезды. Сверху донесся тоскливый крик, затем чуть позже хруст, едва слышный треск. В огне костра затрещали опускающиеся сверху длинные шерстинки.

— Мужчины всегда брали женщин, — ответил незнакомец. — Хочешь, расскажу о рождении одного града, которому суждено было стать самым великим на белом свете?.. Который создал величайшую империю и правил миром тысячи лет?.. Так вот, два брата выбрали незаселенное место и

окружили его каменной стеной, объявив, что в этот город принимают всех, даже беглых рабов и преступников. Ну, сам понимаешь, туда первыми как раз и явились беглые... Были это люди сильные, отважные, умели за себя постоять. Но вот беда, среди них не было женщин! А город без женщин обречен на вымирание, сам понимаешь...

Он сделал паузу, Придон спросил жадно:

— А что дальше?

— Неподалеку через лес и пару холмов располагалось племя тернигоров. Сильное, надо сказать, племя, но — мирное. Вот и надумали однажды лихие парни из города тайком прокрасться к реке, куда выходят купаться и стирать белье девушки, и... украсть их! Были мудрые люди, что отговаривали от этого безумного поступка, ибо тернигоры хоть и мирные люди, но сильны, оружием владеют хорошо, а такое оскорбление не простят. Однако самые дерзкие не послушались, ведь нет жизни без женщин, собрали большой отряд, половина города отправилась на это дело, пробрались через лес... Смотрят, а их сотни, молодых и сочных, нежных, готовых стать матерями, рожать детей.купаются, стирают, чешут языки... Женщины всегда собираются либо возле колодца, либо у реки, чтобы обменяться новостями без опостылевших мужчин... Вот наши герои и выскочили, похватали девушек и на коней. Крик, визг, но, пока тернигорские мужчины спохватились и прибежали на помощь, девушек уже увезли. А погоня наткнулась на запертые ворота.

— А дальше?

— Дальше... Тернигоры сперва потребовали вернуть похищенных и выплатить пеню за оскорбление. Отказ, понятно. Тогда начали готовиться к войне, такое надругательство, как и предостерегали мудрые, не простили. Собрав большое войско, пробовали осаждать город, но там уже успели возвести крепкие стены. После долгой осады, очень долгой и безуспешной, считай, около года то тараном в ворота, то с лестницами на стену... словом, начали обвинять защитников в трусости. Те расвирепели, вышли с оружием. Завязался кровопролитный бой. Известно, кто победил бы, но тут случилось неожиданное, что не могли предвидеть даже самые мудрые люди... Из распахнутых ворот выбежали мо-

лодые женщины, многие уже с младенцами на руках, другие со вздутыми животами, бросились между сражающимися... И отцы и мужья вынужденно опустили мечи. Или топоры, не помню. Думаю, что у похитителей были как раз топоры... Как думаешь? Женщины заявили, что отныне их дом здесь, это их мужья, а возвращаться они не хотят. Тернигорам пришлось примириться, а потом они даже подружились с жителями этого нового града. С того дня тот разросся бурно и на тысячу лет стал властелином мира...

Придон слушал зачарованно. Перед глазами вставали волшебные картины дивной реки, купающихся женщин и скачущих всадников на быстрых артанских конях.

— Это похищение, — сказал незнакомец, — вошло в историю как «Похищение тернигорок». В его честь учредили великий праздник. И празднуют его с великой радостью и мужчины, и женщины. Красивое зрелище, веселое! Ну, сам представь, женщины должны раздеться и в воду, а мужчины сперва, глотая слюни, из-за кустов... Хотя, прости, тебе пока не до праздников. Но хоть что-нибудь понял?

Придон медленно кивнул.

— Что мудрость... не всегда права. Что дурное сердце и кипящая кровь подсказывают порой более верное решение...

Незнакомец легко встал. Багровое пламя костра подсвечивало его лицо снизу, оно выглядело страшным, нечеловеческим, но Придон знал, что всякий, кому огонь светит снизу, выглядит так же зловеще.

— Мне пора, — сказал незнакомец. — Запомни. Так поступали везде и во все времена, а не только с тернигорками.

— погоди! — воскликнул Придон. — Позволь угостить тебя хотя бы мясом!

Незнакомец скупно улыбнулся.

— У каждого своя дорога, — ответил он загадочно. Свистнул, из темноты выступил конь, глаза блестят, как черные камни, а уши торчат по-волчьи. — И каждый сам творит свою судьбу.

Он вскочил в седло, рука ухватила повод, конь развернулся, ночь поглотила разом, словно костер дал меньше света. Придон прислушался, но привычного стука копыт не услышал. Собрался с силами, встал и с пылающей головеш-

кой в руке вышел за пределы освещенного круга. Кузнечики испуганно замолкли. Самые трусливые начали прыгать из-под ног, покидая убежища.

Следы только его коня, а отпечатков чужих копыт нет. Ни единого. Не случайно он не слышал ни приближения всадника, ни затихающего стука копыт.

Он вернулся, бросил головню обратно в оранжевое пламя. Сердце стучало гулко и часто. Незнакомец отказался разделить с ним трапезу, а это могло означать только одно: либо это враг, либо небожитель. Из того и другого ведут длинные дорожки, что, разветвляясь, дают новые тропки, но Придон ощутил, что не хочет ни в чем копаться, разбираться, доискиваться. Это дело его брата, мудрого Скилла: разбираться, понимать, доискиваться до глубин истины. А он всегда был ведом сердцем. Оно подсказывало и слова песен, и поступки.

А сейчас израненное сердце говорит громко: если женщину нельзя взять словами — можно силой.

Глава 3

За пологом шатра прогремел стук копыт, по-утреннему свежий, сочный, хрустящий. Аснерд и Вяземайт насторожились, конь вроде бы придоновский, но Придон давно уже не пускает коня рысью, тем более — в галоп. Переглянулись, Аснерд раскрыл было рот, но послышались шаги, полог откинулся, пропуская в шатер прохладный, еще не прогретый воздух.

Придон был смертельно бледен, вошел и сразу упал на шкуры. Грудь ходила ходуном, на бледных губах выступили пузырьки пены. Аснерд помалкивал, ждал, однако Придон вскоре заснул, донельзя обессиленный. Во сне стонал и плакал, Аснерд помрачнел, делал отгоняющие злых духов жесты. Придон вскрикивал жалобным детским голосом, вперял невидящие глаза в пространство и начинал разговаривать с кем-то незримым.

Вяземайт ушел, Аснерд слышал его приглушенный голос, в ответ донеслись оправдывающиеся щенячьи голоски

молодых воинов. На лицо Придона падал из узкой щели в своде солнечный луч, похожий на лезвие небесного меча, Аснерд встал и, не зная, чем еще помочь страдальцу, сдвинул края ткани.

Вернулся Вяземайт, встретился взглядом с Аснердом, кивнул.

— Ну что? — прошептал Аснерд.

— Я же говорю, — ответил Вяземайт тоже шепотом, — сегодня может решиться... жить ему или умереть!

— А как же твое колдовство?

Вяземайт подошел к спящему Придону, взгляд верховного волхва стал цепким, деловым, прикидывающим.

— Я не обещал колдовства, — огрызнулся он тихо. — Я обещал встречу...

— С кем?

— Кто может указать дорогу.

Аснерд сердито стиснул кулаки. Снова загадки! Нет чтобы какой-нибудь отвар или настой, чтобы и рану на спине, и душу излечили. Деревенские колдуны и то чудеса творят этими отварами. Нежить замораживают, оборотников выявляют, а через черту, что проводят вокруг деревни, ни один вурдалак не перескочит! Даже тучи отгоняют, а вот никто не видел, чтобы Вяземайт хотя бы щепочку своим волховством передвинул!

Вяземайт присел на корточки, Придон лежит лицом вверх, руки раскинуты, но грудь не вздымается, застыл, как могильная плита. Вяземайту почудилось, что Придон уже не дышит, торопливо потрогал, потряс, сдавил толстыми пальцами такие хрупкие исхудавшие плечи.

Красные веки медленно поднялись, но Придон даже не посмотрел на волхва. Невидящие глаза уставились в шелковый свод, грудь начала подниматься, но очень медленно, с неторопливостью морского прибоя. Был он смертельно бледен, скулы еще туже натянули сухую кожу.

— Придон, — сказал Вяземайт горько, — что ты творишь? Ведь от этого... умирают.

— Я хочу умереть, — прошептал Придон. — Мне настолько горько, что во мне все кипит, горит, плавится, как железо в огне... Скажи, неужели нет лекарств?

— Есть, — ответил Вяземайт. — Даже много. Очень много. Только надежных нет...

— Давай любые!

— Бесплезно, Придон, — сказал Вяземайт. — Все бесплезно. Лечит только время, да и то не всех.

Глаза его устремились в пространство, сейчас он тоже смотрел сквозь тонкий шелк шатра. Придон застонал, ударил кулаком по земле.

— Я испробовал все лекарства!.. Я умираю, Вяземайт. Я знаю, что умираю.

— Крепись, — сказал Вяземайт и сам ощутил, насколько беспомощно это прозвучало. — Я советовался со звездами, слушал волчий вой, а вчера видел хвостатую звезду, что пронеслась в сторону Куявии... Грядет великая война!

— Что мне война, — безучастно ответил Придон. — Я уже сражен. Она держит меня в плену, я чувствую на себе ее цепи. Когда дернет цепь, я поднимаюсь и куда-то иду, когда перестает натягивать цепь, я могу лечь, как вот сейчас, и предаваться отчаянию. Я все время слышу ее голос, вижу ее огромные глаза, я чувствую запах ее тела... чувствовал ли я его раньше? Нет, но теперь чувствую. Я даже ощущал кончиками пальцев нежность ее кожи, когда однажды мысленно дерзнул прикоснуться к ней. Это наполнило меня страхом, смятением и восторгом, и я неделю ходил по облакам и говорил с небожителями!

Он приподнялся, прорычал от резкой боли, но сел, опираясь руками позади себя. Под сухой кожей вздулись очень рельефные желваки. Взгляд был затравленным, но в то же время и решительным, как у загнанного зверя. Вяземайт отодвинулся, в глазах появилось радостное изумление, но он поспешил погасить огни в глазах.

— Посиди, — сказал он торопливо. — Я сейчас принесу настой плакун-корня. У нас есть о чем поговорить!

Он поспешно вышел, почти выбежал. Придон равнодушно смотрел ему вслед, перевел взгляд на Аснерда. Старый воин посматривал пытливо, настороженно. Придон спросил раздраженно:

— Что-то случилось?

— Со мной? — удивился Аснерд. — Что со мной может?

А вот с тобой... Придон, с тобой ничего не струсилось? Там, в Степи?

Придон помедлил, говорить про разговор с богом не хотелось, но Аснерд смотрит в упор маленькими медвежьими глазками, лицо настороженное, как у хищного зверя, который охотится на других, но знает, что могут сохотить и его самого.

— Кое-что было, — ответил Придон медленно, — но ты, похоже, уже знаешь... Откуда?

Аснерд тоже помедлил, глаза быстро зыркнули по сторонам, ответил, понизив голос:

— Когда ты ушел, мне тоже был глас...

— Тебе? — переспросил Придон с недоверием.

Аснерд криво улыбнулся.

— Не верится? Я тоже не поверил. Да и туг я на ухо, почти ничего не понял. Со мной надо говорить проще и громче. И не этими... как их, иносказаниями.

Придон спросил жадно:

— И что ты услышал?

— Не понял, — ответил Аснерд откровенно. — Твое исцеление якобы зависит от... Нет, боюсь даже выговорить. Но это возможно, Придон, возможно! Я не все понял, ты ж знаешь, как боги говорят, мы для этого целое стадо волхвов держим, чтобы толковали их речи, знаки, знамения... Я так и не понял, словно боги не боги, а какие-то олени, все непонятно... Словом, хорошо бы тебе излечиться, как я понял, но лучше бы этого и не делать!.. Ну, это совсем непонятно.

Придон спросил сдавленным голосом:

— Насчет раны?

— И насчет раны, — повторил Аснерд сердито. — Я не понял!.. От чего-то предостерегали. Я больше слышал гул, понимаешь, а в нем только отдельные слова... да и то эти слова я сам придумывал, а боги говорили, как они всегда говорят, не словами, а...

Он умолк и в затруднении пошевелил пальцами.

— Да-да, — сказал Придон торопливо, — словами они говорят уже через нас. А с нами вот так, ты прав, — гулом крови в жилах, горячечными снами, криком или щебетом

птиц, шелестом ветра в листве... Но что ты еще понял? Что увидел?

— Великую радость, — ответил Аснерд глухо, — и великое горе. Взлеты выше гор и падения ниже болот. Я видел счастье в твоих глазах... и великую боль, перед которой нынешняя — ничто... И вот сейчас сажу, старый дурак, стараюсь понять вечное: к добру или к худу?

Полог распахнулся, вошел Вяземайт, за ним отрок держал на подносе кувшин и три медные чары. Вяземайт повернулся, взял кувшин и чары, отрок поклонился с достоинством урожденного артанина и опустил за собой полог. Оставшись втроем, Вяземайт быстро разлил по чарам холодный настой. Тонкий и одновременно острый аромат наполнил пространство шатра.

— Держи, — сказал он и протянул Придону. — Пей!.. На этот раз поможет. Пусть не так, как ты ждешь, но... поможет. Аснерд, держи свой. Похоже, скоро нам снова седлать коней.

Аснерд взял чару, глаза воеводы были задумчивые. Пить не стал, осторожно подвигал в пальцах, стараясь не разлить бодрящий напиток, любовался затейливой чеканкой по ободку, спросил неторопливо:

— Ты уверен... в своих видениях?

Вяземайт вскинул чару, взгляд верховного волхва был тверд и жесток.

— Уверен, — отрезал он. — Это нужно не только Придону.

— А кому?

— Артании, — отрезал Вяземайт.

— Ого!

— Ты не понимаешь, — сказал Вяземайт. — Не понимаешь, воевода... Судьба Придона и всей Артании сплетена настолько хитро, что сами боги их не разделят. Излечивая Придона, мы излечим и всю Артанию.

Аснерд покачал головой:

— Что-то ты не то говоришь, волхв. Совсем в своих умствованиях заблудился? Да Артания никогда еще не была настолько могучей!

Вяземайт сдвинул с ним чару, темный настой колыхнулся, пара капель сползли по медному боку и сорвались вниз,

как доля и жертва богам. Аснерд хмурился, не нравилось даже то, что Вяземайт принес не кубки, как пристало бы воинам, а чары, что привычнее волхвам, колдунам и прочим чародеям, но сейчас уже не переиграть, вздохнул и выпил до дна. Горло обожгло, холод превратился в огонь, по жилам пробежало тепло, впиталось в кости.

Придон не выпил, а выцедил сквозь зубы, так брезгливый конь пьет из лужи, но все же до дна. Вяземайт просветлел и, вставая, хлопнул Придона по плечу, внимательно следя за лицом. Тот почти не дрогнул, хотя незаживающая рана на спине должна отозваться. Хороший признак, Придон вспомнил, что артанин всегда владеет лицом. У него и сейчас все раны заживают как на собаке, да куда там собаке — в полночь остается только шрам, а к утру лишь белесый след от шрама — дар неведомых союзников в его последних скитаниях, но рана на спине... не простая рана.

Аснерд поймал многозначительный взгляд волхва, поднялся, закряхтев для приличия, ведь уже внуки и правнуки водят отряды, пора бы и на покой.

— Отдыхай, Придон, — сказал он. — Чую, недолго тебе отдыхать. Пойдем, Вяземайт.

В небе медленно и беспокойно двигались серые дождевые облака, синева давно уступила цвету старого лезвия боевого топора, облака неотвратимо лиловеют, слабо сверкнуло, но пока без грома. Под ногами взвилось облачко пыли, испугалось двух суровых людей и припало, как впервые выбежавший на улицу щенок, к земле.

Вокруг зеленая степь, весна, молодая трава, и далеко-далеко на горизонте видна блестящая под солнцем крыша с острым шпилем. Там Арса, впервые Придон остановился в скитаниях так близко к Блестке и Ютлану.

Когда шатер остался далеко позади, Вяземайт огляделся по сторонам, сказал, понизив голос:

— Дивные видения меня посещали!.. Я зрел хвостатые звезды, что указывали в сторону Куявии. Я видел в ночи зарево пожаров, что охватило там леса и горы. Горела сама земля, а ветер разносил пепел, что оставался от городов и весей... Я зрел красных коней, исполинских, как горы, что

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	66
Глава 8	77
Глава 9	90
Глава 10	101
Глава 11	116
Глава 12	125
Глава 13	136
Глава 14	152
Глава 15	165
Глава 16	170
Глава 17	182
Глава 18	191
Глава 19	203
Глава 20	214
Глава 21	224
Глава 22	236
Глава 23	245
Глава 24	259
Глава 25	271
Глава 26	290
Глава 27	298

ЧАСТЬ II

Глава 1	309
Глава 2	319
Глава 3	334
Глава 4	345
Глава 5	359
Глава 6	371
Глава 7	384
Глава 8	393
Глава 9	407
Глава 10	417
Глава 11	427
Глава 12	440
Глава 13	453
Глава 14	466
Глава 15	477
Глава 16	488
Глава 17	500
Глава 18	511
Глава 19	519
Глава 20	531
Глава 21	542

ЧАСТЬ III

Глава 1	555
Глава 2	565
Глава 3	576
Глава 4	591
Глава 5	605
Глава 6	614
Глава 7	627
Глава 8	639
Глава 9	648
Глава 10	660
Глава 11	671
Глава 12	685
Глава 13	694
Глава 14	704
Глава 15	715